

**НОВЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЯ
КОМПЛЕКСА УЕЛГИ)**

С.Г. Боталов

Отдельные семейные группы погребений погребального комплекса Уелги, которые оформлены в рамки курганов, достаточно ярко демонстрируют сравнительную культурную однородность внутри себя. Так, курган 1 (погребения 1–5) 2010 года исследований и курган 31 2012 года исследований продемонстрировали яркий кыпчако-кыргызский комплекс. С отсутствием керамического материала и гарнитурой 4-ой стилистической группы. Курган 29 («тайник») 2012 года исследований и курган 9 (погребение 7) 2013 года исследований показали материал со смешанной стилистической группой 1–3 и 5 и с керамикой позднекушнаренковского и караякуповского облика.

Ключевые слова: Уелги; средневековье Южного Урала; угры; мадьяры; башкиры; кыпчаки; кыргызы.

Пять лет исследований на погребальном комплексе Уелги позволяют сделать первые некоторые заключения о динамике формирования некрополя и особенностях составляющих его этнокультурных компонентов. Хотя степень разграбленности памятника (примерно 90 % – !), безусловно, чрезвычайно усложняет процесс реконструкций и интерпретаций [1]. Тем не менее, оригинальность уелгинских материалов с лихвой покрывает эпизодические разочарования исследователей этого комплекса.

На сегодняшний момент исследовано около 12-ти курганов, в которых обнаружено до сорока погребений. В целом погребальный обряд выглядит следующим образом:

Под насыпью могло находиться от двух до шести погребений. Большинство погребений совершено по способу ингумации. Обряд трупосожжения зафиксирован в четырех случаях (курган 1, погребения 3, 5; курган 8, погребение 2, курган 31). Ориентировка погребенных достоверно устанавливается в семи случаях – головой в западном направлении, с отклонениями к северу или к югу; в одном случае (курган 1, погребение 2) костяк был ориентирован головой на Ю-З. Ориентировка ям разрушенных погребений в основном ЮЗ-СВ, с отклонениями. В пяти случаях зафиксировано присутствие костей животных в могиле. Как правило, это конечности лошади, однако в одном случае (курган 7, погребение 5) в могиле лежал череп ло-

шади. Отметим также, что «тайники» (курган 29, 31) также сопровождались костями лошади. Помимо этого, рядом с ямами могли находиться жертвенники из черепов лошади. Достоверно это зафиксировано в пяти случаях. В комплексе кургана 31 череп лошади мог выставляться на жердях. В редких случаях удалось проследить некоторые детали погребального обряда: предметы конской упряжи укладывались ниже таза, в ногах, клинковое оружие (два случая) — рядом с погребенным справа. В погребении 5 кургана 7 в ногах лежал уздечный набор из округлых бляшек. Некоторые могилы имели деревянные конструкции (курган 3, погребения 1, 2; курган 7, погребение 5; курган 29, погребения 1, 2), фиксируемые по древесным фрагментам по периметру камеры.

Весь накапливаемый вещевой материал продолжает компоноваться по пяти ранее выделенным стилистическим группам, выделенным нами на первом этапе исследований памятника [2].

Первую группу объединяют, преимущественно, неорнаментированные накладки: накладки с псевдопетельчатым или петельчатым выступом, гантелевидные, лунницевидные и накладки с парными или тройными выступами, накладки с нервюрой по осевой линии, а также накладки с прорезью для подвешивания ремня и др. Они получают широкое распространение в начале IX в. В качестве аналогий можно привести известные памятники IX–X вв. Башкортостана и Южного Зауралья – I и II Бекешевские, Ямаши-Тауские, Хусаиновские курганы, могильник Граултры. Наиболее ранние экземпляры встречены в слоях Пенджикента от первой до третьей четверти VIII в. Следует заметить, что некоторые прямые аналогии встречаются в отдаленных от Южного Урала могильниках, например, Субботицы в Кировоградской области Украины. Стилистическую группу 2 составляют поясные, сбруйные и другие серебряные накладки, наконечники ремней, аналогичные предметам из отдельных погребений кочевой аристократии Южного Урала и Казахстана. Это богато украшенные растительным орнаментом накладки, распределители и наконечники, имеющие золотое амальгамирование поверхности, соотносимы с материалами Лагерева, Ишимбаевских, Старо-Халиловских, Каранаевских, курганов Южного Урала. Рассматриваемую группу можно относить к IX–X вв. Отдельные изобразительные элементы схожи с хазарской (салтовской) стилистикой. Стилистическую группу 3 составляют вещи, несущие «мадьярские» изобразительные элементы. Это оформление бордюра звеньевым орнаментом – чередующимися овалами и кружками (или в других вариациях); «постсасанидский» стиль. Центральным элементом орнамента выступает трех- или четырехлепестковая в большинстве случаев розетка или расцветающий цветочный бутон, трилистники. Ременные украшения с бордюром, оформленным чередующимися овалами и кружками встречены в синхронных (в хронологическом плане) памятниках от Южного Урала до Восточной

Европы: в развешанном погребении близ Эмбы, в Синеглазовском могильнике, в Больше-Тиганском могильнике, в Танкеевском могильнике, в погребении у с. Субботица. Четвертую стилистическую группу составляют предметы, имеющие южно- и западносибирские декоративные традиции второй половины – конца I тыс. н. э. Их объединяет растительная орнаментация симметричных композиций в виде побегов и завитков. Пятая группа представлена предметами, соотносимыми с угро-пермским стилем.

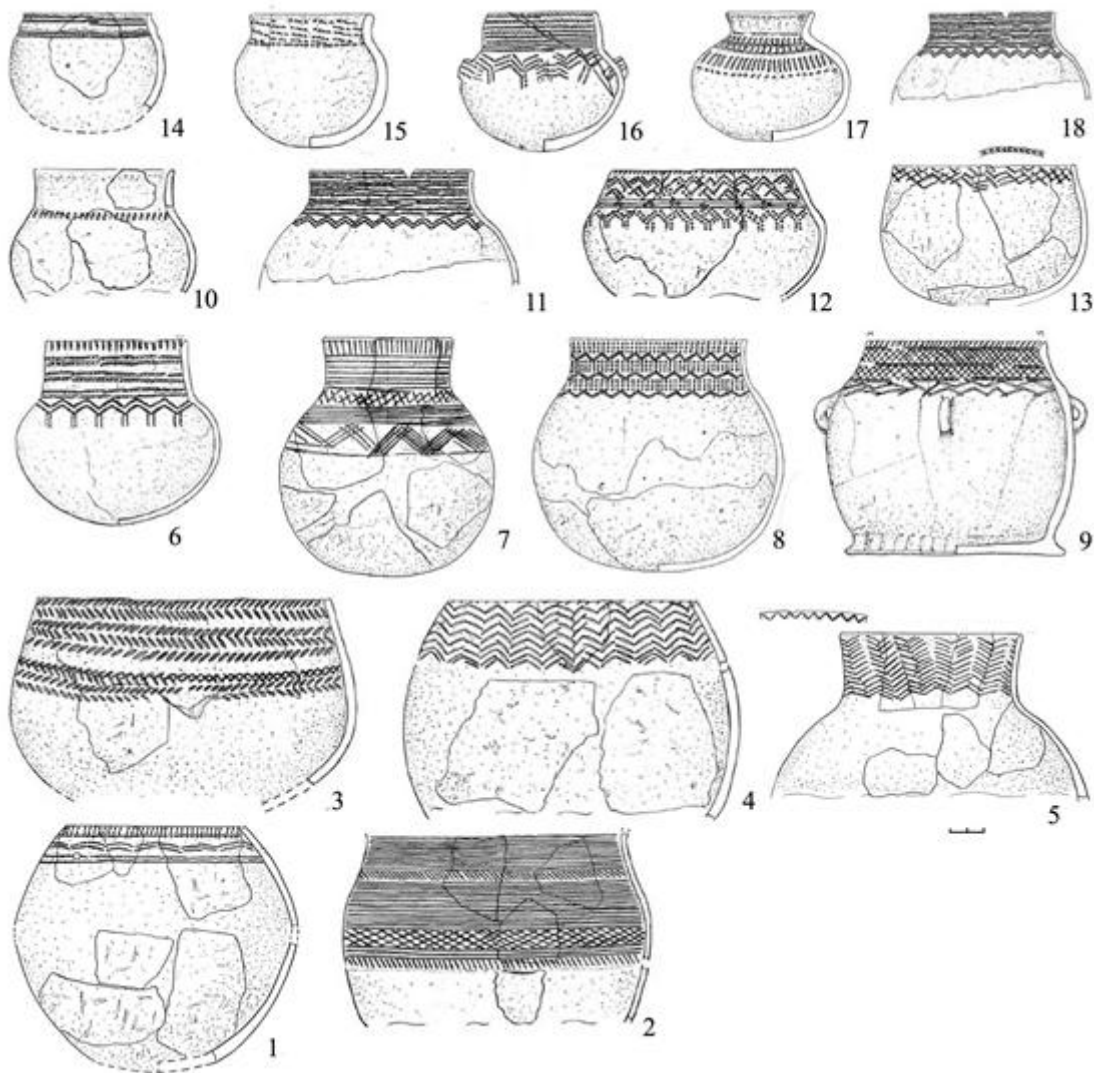

Рис. 1. Погребальный комплекс Уелги. Керамика

Интересен тот факт, что эти различные типологические наблюдения подтверждаются в процессе продолжающихся раскопок. Отдельные семейные группы погребений, которые оформлены в рамки курганов, достаточно ярко демонстрируют сравнительную культурную однородность внутри себя. Так, курган 1 (погребения 1–5) 2010 года исследований и курган 31 2012 года исследований продемонстрировали яркий кыпчако-кыргызский комплекс. С отсутствием керамического материала и гарниту-

рой 4-ой стилистической группы. Курган 29 («тайник») 2012 года исследований и курган 9 (погребение 7) 2013 года исследований показали материал со смешанной стилистической группой 1–3 и 5 и с керамикой позднекушнаренковского и караякуповского облика. Думается, детальный типологический разбор материалов внутри каждого закрытого комплекса будет демонстрировать более чётко его культурную неповторимость. Сегодня же можно очень осторожно наметить тот факт, что в керамическом комплексе сочетания элементов кушнаренковско-караякуповского облика (рис. 1, 2, 3–5, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 17, 18) характерны для курганов и погребений с материалами 1–3 стилистическими группами (башкирско-мадьярского населения). Керамика со шнуровой и гребенчатой орнаментацией петрогромско-юдинского облика (рис. 1, 1, 6, 9, 12, 15, 16) сочетается с 5-ой (пермско-угорской) стилистической группой. Комплексы же алтайского (кыпчакско-кыргызского) облика, которые не содержат керамики (стилистическая группа 4), достаточно ярко выделяются по предметам вооружения, защитного доспеха, конской упряжи и ременной гарнитуры.

За этой достаточно сухой типологической интерпретацией кроется яркое своеобразие уелгинского комплекса, которое было отмечено международным сообществом ученых в процессе проведения II-го Мадьярского симпозиума (август 2013 г.). При этом особенность данного памятника маркирует именно мадьярская культурная составляющая [3], которая отсутствует в известных памятниках сопредельных регионов Башкортостана, Прикамья и Западной Сибири. Причины вышеозначенной историко-культурной диспозиции, вероятнее всего, еще предстоит выявить.

Библиографический список

1. Грудочко, И.В. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI веках (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) / И.В. Грудочко, С.Г. Боталов // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 110–138.
2. Боталов, С.Г. Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово) / С.Г. Боталов, И.В. Грудочко // Мадьяри в Середньому Подніпров'ї. Серія Археологія і давня історія України. – Київ: ІА НАНУ, 2011. – Вип. 7. – С. 79–99.
3. Боталов, С.Г. Проблема Уральской Правенгрии в свете новых открытий на погребальном комплексе Уелги // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки» – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 16–19.

[К содержанию](#)